

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ЭЗОТЕРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

У

Ф

Х

Ц

Ч

И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ь М А Н А Х

Ш А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 15. АНДРЕЙ ТАРУТА

АНДРИК

АННА САКЕ

АНТОН ВЛАСОВ

АРМИНА

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 15.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградский
эзотерико-информационный центр
«93 in 39», 2011;

а также авторы журнала:

Андрей Тарута
Андрик
Анна Саке
Антон Власов
Армина

Мефис
(иллюстрации)

Редактор, корректор, верстальщик:

Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

За помощь в корректуре
выражаем признательность
Samurai (Киев).

Андрей Бартола

Всё

Всё.

А что ещё

мало ли что написано

хотя любопытно

какой-то будет последняя строка

Может она закончится на Я

Может зарифмуется на бя

телевизионный хлам затесался в уши

ты любишь звонко бить баклуши

Хочешь придумай смысл сего

Мои рога упёрлись в нимб

Добавим красивого в виде нимф

Разве сквозь это не видно моей душищи

К груди ответа вопрос тянет ручищи.

Хорошая рифма маЛОвкИХтиандров

Сейчас мне пора покушать

(Не надоело это слушать)

На горизонте долгожданная

последняя строка

Вон виднеется: «И если даже туго...»

дальше не вижу «...даже туго, то тогда...»

бежит, бежит она

ой

спотыкнулося

растянулося

Хрен теперь знает

чем стишок закончится

Если жизнь дерьмо,
ТО
сливной бачок —
орудие СМЕРТИ!..

Отнюдь не всё

Я первооткрыватель пыли, паутины,
Изобретатель бесколёсных машин.
Для скоростного выведения рутины
Насыпал вам стихов аршин.

Я, крошивший разум в кормушку
Перелётным птицам экспрессии,
Ловко-хитро схватил на мушку
Лоб поэтической депрессии.

Вот сейчас пою, эпатируя, хвалясь,
Похож на Северянина, Олимпова и других.
Их лица мерю, не боясь,
Плагиатом пирамиды в склепе стих.

Я творец сливочного йогурта слов,
Я воскликнул: «Она всё ещё вертится!»
Я осмеятель бытийных основ,
Мною проклята всякая смертица.

Нов, как де Сад после Содома,
Стар, как каждый новый лист,
Нужен, как окошко дому,
Я в пассивности преступный глист.

А ежели мой поэтический рупор
Насекомым покажется веков стану,
Я не приближу ту пору пор,
Когда поэтом-песенником стану.

Я, ненавидящий рифму «кровь-любовь»,
Жизнью сытлю каждый миг.
Я буду каждоразно вновь
Средь полчища уснувших книг.

Синдром землипупия

(характер и профилактика)

Вот только взял я и родился — и это резон,
Не отдала если лень желанье,
Разземлипузиться величьем осознания,
Что хоть букашке ты фатален и кроешь небосклон!

Так думает, кто властью трезвость потерял,
Всю землю засеявший пупами,
Он растопчет вместе с муравьями
Того, кто в радиус пупа попал!

Поэтому, если задумал судьбу букашкину вершить,
Забыв о «Билле о правах» и гуманизме,
Топя властью букашку в трагизме,
Помни: сам можешь в качестве букашки быть!

Смешной мальчик

Смешной мальчик
моего детства
взорвался миной сноваболы.
Я нежно храню его кусочки
дранными ладонями памяти.

Спите?!

Спите?!

Нет, боитесь ночной молчаны,

а мой гнев к глухожизни

факелом поджигает

сухие страхи.

О-о-о, свершись же,

провиденье,

колёсами в палки!

На дыбе безразличия снова

тот, кто скоропостижно ожил!

Стих одинокого любителя

Перевертень мировоззренья
принял обличие тоски,
что карачунит хитником
минут миротворенье
остолбененье чувств
в паническом проклятии всей жизни
из ни-тей молитв сошью рубаху веры
на тело голое души
от взоров пошлых безнадеги
ноги коей траву надежды топчут-мнут
кнут разочарованья
на сердце за любовь обрушил хлёт
мост через безлюбовье пройти опасно
страстно огнеют мысли о неведомой любимой
той, что чистосердием
осмелится исторгнуть: «ЙОК!»
опустотробным одиночеством мгновеньям,
чтоб невозможность-ложность
обрестись-спастись
анафемить вселенно...

— Чавой-та там в небечке
лятит
не самалёт
не верталёт
не НэЛэО
не астероит
Шо там вдумало лететь?
— Ангел
— Только
Святости
нам
и не хватало!

Черти научили меня
неприличным словам.
Я написал одно такое
на заборе,
А меня нарекли сумасшедшим.
Но по ночам они,
которые нарекли,
изучали изнанку забора,
но ничего не нашли.
весёлая игра в бесовский блеф
ищущие ложью правду
найдут лишь улыбку
правдиво нашедшего ложь
так говорил Заратустра?..

Я пуст

Я пуст
я пуст снаружи
рвётся ружа рыком ража
т-е-с-н-о!
не высловить
не изглаголить
наогненья пазухи души
души терпенье!
не в пору тарелка
не в пору жить
заколесила белка
вопросливых дум
на месте бежать
от внеплановых взбуд
рожать ежемучно младенцев ответа
а после их трупы выбрасывать ВОН
всё веЧЁРТИлось!

Андрей

Ангелу от ангела

Когда объединятся небо с землёй против человека...
Когда Человек был мал, а людей ещё не было,
и земля только-только остыла...

Бес комочков

Юмор везде, как и философичность.

Обратите внимание, например, к словосочетанию: «Его комплекс». Ведь смыслов несколько.

Прислушайтесь: «Бес Наркотиков», ведь очень верно, кому-то подсказа даже.

Ещё и: «Бес(з) Вас», «без(с) Обломов (обломoff)», «без(с) маски» и т. п. Здорово?!

В этом бывают знамения иногда, умей читать и среди них распознать, что является предупреждением.

Булонский лес

Средневековая дорожка бульжная. На неё, как на воду, склоняются травы с обочины. Гранит загадочных оттенков потемнел от жары. Но упавшие на дорогу вишни ещё раздавлены не все, тёмно-бордовым цветом.

Гранитная кладка упорядочивается в ровную брусчатку, лишь одна ягода чернослива свежесинеет на этой площадке камня. Подёрнуто дымкой голубоватой.

Воздух напоён этой плазмой синевы.

Войду в Булонский лес гранитною брусчаткой, бульжной мостовой, полевыми валунами.

Под сень деревьев стройных, стволов пурпурных, корявых толстых веток.

Под сень и в синь. И статуею бледной растворюсь на строгое молчание загадки. Известны тайные трагедии веков.

Здесь всё Булонский лес...

Враги

Особая благодарность моим порицателям и обидчикам за вложенный мне ум. Недругам, коие своими стараниями сделали меня мягче и рассудительнее.

Не объяснить же, как отзывались в моей душе акты предательства.

Короче, во всём этом относительно, гибче и закалённое стал. Так что счастливы те, у кого есть враги! Ну..., не счастливы, а умны должны бы быть, а уж как душевны (!).

Никто для нас столько не старался, как враги наши. «Свои» и друзья — это те, кто не мешают жить, участлив в судьбе, умён в беседе, добр именно к Вам, не правда ли (?).

А настоящее предательство ещё распознать надо.

А что через год останется от предательства?

По осадку на душе оцените себя сами.

Где ты?!

Каждому приходилось душевно — кричать — «Где ты?!»

«Я здесь! Ведь я твоя цель, пока что рядом и открыта. Попади в неё, пожалуйста, пока не удалилась, пока не размылась в твоих глазах. Я помогу тебе даже...»

А он и не думал стрелять.

А она вообще никак...

Пруссия — свет зажжён, два тёмных прямоугольника; окно и печь.

Россия — свет погашен, два светлых прямоугольника; печь и окно.

Нечистая, мелкого и среднего ранга, не любит мат и уходит хмурясь.

Глаза — зеркало души

Глаза — зеркало души.

Только чтоб стать отражением, надо иметь что отражать. Время разбрасывать камни, но собрав вначале.

Ходит человек по поверхности земли этой прекрасной и впитывает: через глаза, уши, ноздри, через кожу.

Мозги для того необходимы, чтобы блюсти, что впитывать, а что нет.

Ум же воспитывать ещё надо для анализа и охраны своего выбора.

Воспитывает опять же — душа, которая от рождения даётся каждому.

И вот тебе — человек. Кладезь всего, что душа его впитала да как с этим разум справился.

Голландский дом

Голландский дом в своих мыслях, как в мягких постелях, только о тебе.
Временами года он мог выжидать твоё появление. Хозяина, которого узнал бы сразу, хоть и не видел никогда. Он бы нянчил объятъем своего двора и целой мощью крыши, полной целой черепицы.

Только бы хозяин оказался с широкой душой, но не простодушным, а скорее болен ею. То есть: душой, женой, дочерью и сыном, садом и даже камнями...

Пустотой чердака, как в пуховой перине лёжа, ждал дом. Все окна выглядел, — не идёт ли...

Хозяин дома — немец, это как красивая, ухоженная смерть.

Хозяин — цыган, это помойка в средневековом замке, красива по-своему.

А хозяин — русский у голландской стены, — это возможность и дому жить, и самим у очага независимо развлечься. Качая стенами..., в ожидании.

Господи, дай мне утереться небом

I

Господи, дай мне утереться небом. Взять его в руки и стянуть на себя, медленно, как одеяло. Это ж какая сила нужна, чтобы выжить, когда всё хорошо, потому что хуже уже не бывает...

Но никогда так плохо не будет, как уже кому-то. До чего же мы несчастные в счастье своём... И до чего счастливы бываем в несчастье. Как же мы несчастные! А Бог один знает как. Мы лишь догадываемся о счастье, в вечной надежде на чудо Его. И любим за эту последнюю опору, которая может продолжить жизнь, и не совершить детской глупости.

А хуже бывает всегда. Помни, человек; завтра может быть хуже. Цени сегодня, ибо сейчас — прекрасно, как никогда больше!

Как всех жалко, в надежде на завтра. Спокойной тебе ночи, дорогая, утро вечера — мудренее.

II

До того трогательный голос, что хочется погладить пальцы её ног.

До того испуганный взгляд, что до неё дотронуться надо.

До того упругая, что самого пугает.

И нужен наглый взгляд её, внимательные руки (как у меня).

Так и боимся друг друга. Кому-то надо стать садистски для первого шага. И начнётся садомазохизм — ногтем по ноге, да зубами по плечам.

А больше уже и не надо, больше — только хитрая улыбка (делая минет).

А времени не существует.

Влечение друг к другу — время потерять. И даже к водке страсть такая.

Время жалко так, когда поймёшь, что его не существует.

Лишь плоть нам время отмечает. Какие лица, — такие времена.

Иной раз и садистом надо быть, но так ведь мазохистом станешь.

Делать предложение надо тогда, когда убедишься, что тебе откажут.

Жениться надо на сироте!

Сиротой духа чтоб себя ощущала. Может, тогда ты станешь нужным, недостающей новизной.

А отказ получить в виду гадких причин — тошно.

Самый большой недостаток — это дом, его дом, вернее — его отсутствие (или в нём отсутствие...).

Так что главное — любовь и совместимость.

Искусство дипломатии уживаться вдвоём.

Втроём проще.

Вдвоём без дома — куда хуже.

Один недостаток поделить на двоих, а не умножить в два раза.

От автора всё же скажу, — Кому ты нужен, человек, если у тебя нет дома.

Автор же у нас — пессимист.

Дневник

Медленно и уверенно я становлюсь маленьким шизофреником. Множеством малюсеньких шизоидов. Всё перед вашими глазами, мои дорогие... Друзья, на протяжении многих лет.

Как бы во сне

В комнате, где, как на маленькой сцене (на которую все смотрят извне, как бы подглядывая), разворачивается обычная трагедия:
Кого-то убивали. Все действующие (и бездействующие) лица реагировали соответственно-эмоционально (и замерев в шоке).
И от этой обычности, самой обычности, обыкновенности было особенно страшно.

Мужчина меняется запахом своего тела. Зона тела меняет запахи от влияния на них и на настроение хозяина тела. Раздражители бывают разные: физическая работа, эмоциональный разряд и духовный заряд. Все влияния вместе для мужчины — женщина. Индивидуальность женщины может влиять выборочно на зоны своего мужчины (на каждого тоже по-разному).

Умная следит с интересом за изменениями запахов своего партнёра. Забавляется тонко!

Глупая даже не поймёт вышеописанное.

Мало кто умнеет об этом раньше, чем «за тридцать».

Можно было бы улыбнуться мудро, с пониманием, что пишет это «вечно-одинокий».

Мясистые кроны трёхсотлетних вязов, буков, дубов стеной поднимаются по склону, стеной.

Лишь крайние стволы с белыми горизонталями колец, под ними дорога эхом отдаётся.

Перед зелёной стеной дерево одинокое обёрнуто солнцем, — куда хочешь, туда и расти.

Бедное дерево, раздираемое сомнениями, до того поисковеркало себя, съедено судьбой, ветрами, светом, что каждая трещина — произведение, виток ветви — сюжет, путь ствола..., клубы кроны..., кабы, корни-змеи.

Плотные, сильные листья фоном. Лёгкая, ажурная зелень перед этим скоплением тёмного изумруда.

Передо мной волос просвеченный в золото, отливает жарко. По одну сторону от него — я, по другую — корявое древо, испытанное, выжившее.

Фон дерева я вижу, а какой фон у меня со стороны дерева?

I

Не дайте ему поймать мысль, он из неё такое (!) разовьёт.

Какая развитая мысль!

Из целого клубка логики вьётся во всю жизнь.

Переплетенье.

II

Ведь белыми нитками шито, а через всю жизнь красной ниткой протянулось.

Если всё «как с гуся вода», — в добро иметь в виду, то прежде всего стоит вычислить, что есть тот «жир», который поимелся в виду.

О кресте

Древние наши предки передали нам землю плоской, с краем... Символисты были.

Человеку всё надоедает время от времени, это хорошо. Возможность развиваться в другом направлении. Только почему-то хочет подъёмов вверх.

Неужели не хватает того, что движение — жизнь?.. Нет же: «Вверх!»

«Революцию даёшь! Разовьёмся к чёртовой матери!»

«Видимые результаты давай!»

«Реки вспять, тундру покорим! Ракеты туда, а здесь, как там, лунный ландшафт, — даёшь!»

Ложку дёгтя надо пробовать с ложки, а не из бочки мёда. Попробовал, переболел, одумал, и бережно обвился вокруг бочки янтарной вкуснятины. Беречь и любоваться, как с ложки стекал, укладывается змейками, клубочками, каплями. А ложка деревянная, лучше: клён, липа...

Не «вверх», а в «плоскости» наш кайф. Именно здесь и уготовано, и не меряно приятных, здоровых открытий. Лишь предыдущее надоест...

Предки сложили четыре стороны в плоскости и лишь две — на вертикаль...

Символисты были, крест в объёме это. Поймём мы это, почему так они нам передали, или нет?..

Острый ум молодого человека страсть как пугает соображающего дядю. Ну, не родного, конечно.

«Что? Мысли читать? Я тебе покажу, сорванец, как использовать людей!»

Да, против матёрости даже юношеская выживаемость, за счёт молодости, не в счёт. Потому как юность — это всегда за чей-то счёт, и в счёт кого-то надо. А малец только под себя гребёт. Вот дядя становится мужчиной и наказывает несправедливость.

Да нет, конечно. Просто это был шанс проснуться и почувствовать в себе мужчину. Погордиться собой, даже полюбоваться, ведь каким раньше был юношей с острым умом.

Ох

Камни говорят «ох». И у тебя приоткрывается рот, чтобы вместить «ох» побольше, чтобы щёки тоже перепонками служили, как к ушам продолжение. И «ох» уже всеобъемлющий.

Умненькая кошечка по молодости своей. Гладишь её по спинке пальцами, она привстала — «ох». И сошла с камня, в стороне на земле села; мол, рано мне ещё чувствовать. Чувствую, но рано ещё, не обижайтесь.

Умненькая кошечка какая.

Сумрак, и только камни после солнца «ох» людям отдают. Но все ли слышат? Кошка юная пригнулась, затаилась, лапками заперебирала под себя, но снова голову над камнем подняла и успокоилась. «Ох» от камня исходит.

Внимательное спокойствие у кошки, сидящей рядом.

Ох, пора подниматься на закат, двухсотый в этом году...

Первые позывы — самые ценные.
Последних уже не ждите, это «последний крик» будет.
Позывов последних не бывает.

Получая вопросы в цивилизации, находишь ответы в природе. Вопросов всё больше, ответов меньше.

Человек, ты куда идёшь (?), задумайся в своём движении. Любое движение, жест — очень важны. Задумайся, подумай...

Когда выполняешь природный ответ, даже жесты будут неглупыми и красивыми.

Возьми тренировочный меч и иди «гонять балду».

Восстанови дыхание упражнением, проследи мудрость природных ответов.

Всё последовательно.

Всё продумано. Анализируй (анализируешь?).

Порядочный ковёр из натуральной листвы.

Мягко, уверенно наступаешь, уплотняя его податливую, шелестящую упругость: «Натурал», «Натюрель»... На-ту-рал, и разница — на-тю-рель, очень явственная. Два разных шага; настойчивых, уверенных, но чувствительных.

Не правда ли, французы совершенно иначе чувствуют осень, чем другие люди. У них листья под ногами иначе уплотняются, а значит и всё иначе. А мы? Иди и чувствуй с каждым шагом...

Ну, как? О-сень, О-сень, о — это хвала напозающей общей сени, или отходящей летней сени листвы.

Психо-логос

Да, да — это детище Ваших рук!

Ваших рук дети!!!

У Вас с Вашим мужем весьма странные отношения. Страстного отношения мало...

Ем всегда вприсядку, классификацией городов и женщин.

Не страстная, а пшикая, т. е. остывающая до мудрости. Обычно они бывают со светлыми глазами и тёмным волосом. Они умеют разыграть настоящее чувство: когда, молча улыбаясь, щурятся от счастья (обнимая плечо мужчины).

Честное враньё!

Светлая тайна...

Светлая тайна, молчаливая улыбка очарования носится маской на лице. Иначе нельзя, не получается!

Щемящее счастье со щенячьим восторгом расплёскивается мощной энергией. Какая-то светлая тайна везде!

Как мы умеем очаровываться в детстве... Понимаем как лишь лет тридцать спустя. Да мы бы и сейчас..., но быт зажрал. Героизм тех пою, кто быт покори́л, как само собой разумеющееся, между делом, а светлую радость, в тайне своей очарованной, среди друзей, таких же «прибабахнутых», расточает. Хвала этим долбанутым счастьем по голове!!!

Кони красные, кошки чёрные, собаки белые, жёлтые фотографии, глаза с неба на землю, руки чуткие, души тёплые, сердца упругие, да за мать вашу, что жизнь дала из Отца!!!

Приятную, милую улыбку несёт, маской у себя на лице. Плавно и статно несёт. Не разбиться б ей, не упасть...

Создание вещей на все случаи жизни.

Все случаи жизни?

Чьей жизни хватит на все случаи?

И третий вопрос, — что есть все вещи?

Любая вещь могла бы сказать (если бы могла сказать), —

«Что мне Ваша жизнь?»

Сон о верности

Лебеди, да? А волки — не хотите?!

С восклицаний начнём, вставим в середине, ими и закончим. Содрогания восклицательные радостны-то.

Как личность; тёплая, неусыпная, переливается внутри...

Вот звук вырвался на свободу! Внутри этого звука, как в летающей капле, видно; сон, сон там...

Отражение поверхности переливается с тем, что внутри (таков, кажется, механизм сна).

Капля лопается безмолвной вспышкой, растворяя в себе весь мир...

Мягкий, сильный зверь, плавно прогибаясь, бежит среди диких валунов, из мха которых вытоптывается стон. Зверь наполняется болью и переливается. Ведь боль имеет переливы.

С чувством гона зверь останавливается, сводя и разводя боками, как загнанная лошадь, поводя носом...

Еда на камне. Прильнул, и выдавил стон сам, ведь чужая охота поделилась.

И зверь уже не волк, он пёс уже. И можно поест, и уже не боится, уже проиграл битву свою.

Неприятное зрелище — аморфность отожравшейся собаки. Переваливается... Переливается капля. Варит наш котелок. Всё когда-то переваривается. Затем голод. Затем же и есть голод; подтянутость, жизнь в глазах, стремления.

Волк в дом ни к кому не стучится, это удел бездомной собаки, волк бездомным не бывает.

А собачий волк? Абсурд природы; коварный, но преданный.

Стая разлеглась полукрутом, приглашая в свою семью. И правильно, породу улучшит. Только через полукровку вычислится доминанта выживаемости. Они это просто знают, не думая.

Как знает любая тварь, что надо: есть, размножаться, тянуться к солнцу... Преданность самой жизни! Живым жить!.. До смерти — преданность.

Такое вот ремесло

Сможет ли человек, занимающий какое-либо лидирующее положение в группе людей, пав низко, — удалиться тихо, мягко улыбнувшись в ответ? Если нет, то это слабый человек. Ведь большая глупость брать реванш. Да и для чего? Снова для власти если... Поэтому люди у власти *уже* в глупом положении (и всегда будут «крайние»).

Слабыми всегда занимается дьявол. Стал к власти и рядом приставил дьявола, или он там уже ждал... Автоматика, так вот-с...

Тишина утром не проснулась ещё, а ты уже раньше неё. Забавляться с нею гораздо приличнее, безобидней, чем со спящим человеком.

Отломи фитиль свечи, зажмурься, кинь и послушай падение. Если не слышно — кинь спичку.

Если слышно, то кинь пушинку.

Художники проектировали замки,
Инженеры и строители их строили,
А все остальные вытворяли в них историю.
Мы же знаем последних.

Целостность — когда уединение не в тягость

Чего только парень не сделает ради девушки, даже изменит пол, чтоб стать мужчиной... (поведением, и физиологией, и даже моралью...)

Это поймёт тот, кого согревали, кого одеялом со всех сторон укутывали.
Старость внутри, а снаружи ни стужи, уже пухлое, мягкое одеяло подоткнуто
заботливо любящей рукой.

Это самба, румба, играя, танцуя, двигает фибры души так, что дёргаются
конечности!!! Блюзы ещё... «Блюз — это когда хорошему человеку плохо», —
сказал кто-то...

Так вот *это* блюз!

Anna Lake

в гавани города
кормящего младенцев солёными бризами
где люди по привычке дуют в остывший чай
где для желающих научиться летать
не хватает карнизов
где пустые колыбели сами качаются по ночам
я курю и рифмую непослушные строки
а где-то люди встречают рассвет и целуются
ждут, когда зажжётся
жёлтый фонарь светофора
на повороте дороги
сидят на росе и смотрят в пустую улицу
а на палубе призрачного фрегата
без порта приписки
седой капитан, полжизни проведший в море
без суда и следствия, без прощальной записки
пустил себе пулю в висок
перед торжественным строем —
и был уведён под конвоем...

Весело и страшно

когда тебя убьют
ты откроешь глаза и увидишь их лица
склонённые в скорбном восторге
когда тебя убьют
ты оставишь свой взгляд напоследок в залог
сымитировав нервный пробег
пальцев по струнам гитарным
созреет грозным отблеском рассвет
на лицах изумлённых и весёлых
это тот случай
когда уместно будет сочетанье

«весело и страшно»

и отпечаток вдоха на стекле оконном —
тоски, реализованной в физическом обличье
узор, рисованный на крашеном бетоне
рукой художника, не спящего ночами
и караулящего ангелов и женщин
нашедших свой приют в его квартире
что на первом этаже... так далеко до неба...
так далеко...
господи, так далеко...

Время разбрасывать камни

время разбрасывать камни
время стрелять в чёрный растрёб двери
целясь навскидку и вкось
крошки вчерашнего неба
закупорят дождём амбразуру окна
тонкие цепкие пальцы возьмут меня за руку
и выведут прочь
танцевать под прицельным огнём
кирпичные стены растут
подминая деревья
бледные лица с прострелами глаз
я хочу уберечь тебя
но ты не захочешь уйти
и сядешь на стул и закуришь
и будешь смотреть на меня —
отчуждённо
нас звали убивать друг друга
на минных полях
но мы зашторили окна —
и легли спать...

всегда хочу соорудить умный вид —
самонадеянный ментальный инвалид —
хуйня, разлитая в стаканы и посыпанная пеплом
во имя святости вовне —
во мне?
и милосердия к смердящему и тлеющему праху
но я не выбирала этой роли
вам мало боли?
в морской залежной соли —
застывшие в агонии
бессмертные глаза страдальцев
что плачут в одиночку

давай распнём себя на этой стене
где много никому не нужных слов
где много пыли, копоти и соли...
когда я иду куда-то
я всегда прихожу к тебе
высоты мастерства — писать без слов
писать ни для кого...
а стоит ли?
небритый злой рассвет вползёт в окно
кровать.
стена.
бумага.
гарь и пепел.
и маленькая жизнь
с большим вопросительным знаком наискось.
пепел.
гарь.
бумага.
битое стекло.
бессмысленность ночного сна.
осенний ветер.
не модно зваться поэтом?
тебя никто и не просит...
а если мир вдруг рухнет
оставив осколки торжества человечества
напиши на небе:
«смерти нет, и не будет».
девять часов.
я курю на кухне.
знаешь, любовь — это
такая болезнь, которая не лечится
и за неё меня никто не осудит
ядерный взрыв отражается в твоих серых зрачках
шлюха-ночь
смотрит томным проникновенным взглядом
а на стенах всё так же много соли
мается плоть
кается, стерва, в своих грехах
сигарету?
не хочешь?
ну и не надо...
кровать — не застелена.
кофе — отсутствует.
нас двое.

есть вещи сильнее
чем время и должность наместника сердца
способные вырвать монету
— орлом или решкой —
из рук недоверчивой цепкой судьбы
чёрно-белые строки
вальсируют свой первый бал —
сумасбродство — и только...
закройся на ключ
если хочешь остаться один
но кто-то стучит в твою дверь
а ты — невзначай — открываешь окно
впуская затёртое слово «душа»
в свой скудный запас междометий
бал завершится резнёй
корни останутся там же, где были
и светел курносый девичий оскал...

Ёжик

лица во сне всегда так незащитны...
кончено.
вышито.
можно вздохнуть и умыться.
в эту ночь мы будем пить вино
и флиртовать с полутонами света
а ветер будет кусать мокрое окно
и злиться
мы дошли до черты...
ступени? — да нет там никаких ступеней!
неоновой маской
горит дурацкое слово «нельзя!»
перекошены рты
на глазном яблоке лампы
танцуют рэгтей ночные тени
стук в дверь души...
ты разрешишь войти?
я ничего не трону, просто посмотрю
поглажу осторожно ёжика в углу
и поздороваюсь с треногой табуретки...
не возражаешь, если я здесь закурю?
а спички есть?
спасибо...
а что это за птица в клетке?
а знаешь,
весь этот мир не стоит
одного-единственного твоего движения руки
да-да, не смейся
всё это не так уж пошло
послушай,
почему на всех твоих дверях
эти чёртовы английские замки?..
что, уже так поздно?
ладно, не хочу тебе мешать...
всего хорошего...

Имярек

Ты слышал, как кипят под кожей вены?
Или как строка
вгрызается в бумагу
посеревшую от пепла выжженных лесов?
Как разговаривают в темноте друг с другом стены?
А знаешь, как бывает страшно
когда теряешь смысл слов?
Наша пустыня наполнена звуками сумерек
они осторожны
и мы никак не можем узнать их на вкус.
Но я знаю, что они — соль
и имя им — Имярек
их пьют на своих шабашах
блудные отпрыски муз.
Но ты вдруг проснёшься в грязном подъезде
чувствуя на языке вкус вчерашних
случайных встреч.
Ты даже не помнишь
хорошо ли вам было вместе,
но помнишь рукой абрис дрожащих плеч...
Мы — пустыня,
мы с тобой звуки и сумерки
отпрыски муз
не оставляющие следов на песке.
Мы — соль на щеках
и имя нам — Имярек.
Мы давно уже стёрли все линии на руке...

Как ты захочешь

минутной слабости минутная усталость
фонарный столб ознаменует
возвращение к началу перемен
мы каждый раз с тобой встречаем полночь
не ожидая ничего взамен
устало млеет свет —
он выпил всё, что мог от этой ночи
и будет всё, как ты того захочешь
всё будет только так, как ты захочешь
я здесь обручена до страшного суда
и лучше будет просто сесть и помолчать
молчать, пока твой сон не встанет
у разрисованных дверей.
без ничего. могу даже не плакать.

Корабли

печальные дети изумрудных цветов
бриллиантовых звёзд в волосах
разноцветные нити плетут кружева —
узоры на тонких руках
балтийская осень
изгибает хребет голой земли
в неизбежном оргазме —
и превращается в сонную зиму
в твои гавани я приведу свои корабли
с золотыми цепями на палубах
прости, может быть, ты желаешь другого
но я тебя никогда не покину
мы — печальные дети изумрудных цветов
мы просто несём свою вахту у каменных ставен
мой корабль пал жертвой твоих сумасшедших ветров
и обломки его принесло в твою гавань

Красно-жёлтое

ты хочешь знать, как я нашла тебя?
я шла по красно-жёлтым простыням
на запах тёплых сонных рук
я трогала твою ладонь
искала линии порезов
шершавой тканью языка
я грела кожу на твоей спине
ты — спал
а я пила упругую густую кровь —
из маленьких укусов на твоём плече
ты звал меня
а я сказала, что хочу
оставить маленький ожог
на горьких и сухих губах
ты хочешь знать, как я нашла тебя?
я шла по собственным следам
а ты лежал на красно-жёлтых простынях...

Маргарита

мы приручили смерть —
ненужная бравата
во славу бесполезности
земного бытия
коньками крыш
рисуем траекторию полёта Маргариты
но мы лишь можем проводить и помянуть
не ведая конца её пути
и в бесконечный предрассветный час
тепло само придёт
свернувшись, словно кот
в углу протёртого дивана
оно заводит разговор
портвейном наполняя наши чаши —
и убаюкивает нас...

мы ходили босиком по мёртвой траве
земля пружинила под нашими ногами
земля бредила запахом серы
мы шли босиком по бритой земле
минуя бетонные стены
осколки величия наций
за нами бежали бездомные боги
в оборванных тогах
и кланчили мелочь на пиво
снег из мёрзлых окурков
хрустел под ногами
глина свернувшейся крови
чавкала в такт шагам
мёртвые звери рыдали
горячей росой
и слизывали с земли капельки соли
сигарета двоится в оконном стекле
браслеты ожогов на бледных запястьях
мы идём босиком по бетонной земле
собирая в бокалы
льдинки горячей росы
слёзы мёртвых зверей
руки греют асфальт
тени бредят уходом
мы никогда
не испили воды из пустого ручья
мы уже целую вечность
ищем что-то
на этой мёртвой земле

мы одиноки во плоти
торжественны в душе —
герои туалетов и стеклянных тар
и дефилируя ночами в неглиже
мы уповаем на рассвет
дальнейшее неясно и туманно
касание плеч
спиной к стене
как на расстрел: вдвоём и в одиночку
стеклянный парус грязного окна
дым вперемешку с терпким запахом любви
а потолок всё ниже...
он судорожно дышит
облизывает пересохший рот
пляшите, смейтесь, пойте,
чёрт бы вас побрал!
нам всё равно...

Нам не дожить

*«...как хорошо быть маленьким и странным,
и заблудиться в плачущем лесу...»*

Н. Исаева (Выдра Перебирает Вампум)

успеется
нам вовсе не дожить
до той поры
когда без слов возможна мудрость
и где пренебрегает телом скупость
души, отчаявшейся полюбить
нам непростительно всё то, что было после
поплачь в плечо
зажги на кухне свет
я маленькая и странная, но как ты можешь
выслушивать весь этот бред?
войди в моё окно
(твой дом ведь всё равно наименован здесь)
нам километрить ещё сотни, даже больше
мне некуда идти, я навсегда убита здесь
возрождена и снова влюблена по горло
мы маленькие боги — нам простительна и слабость
мы резали до крови, и смотрели, как она текла
мы загнаны, и всё, что нам осталось
смотреть на тишину оконного стекла...

На рассвете

я простилась с тобой
когда день начинал разрезать на полоски
синеватую ночь
и первая птица проснулась
в остывшем саду —
от кошмарного сна
я всё бредила дулом щербатой луны
и пыталась читать иероглифы сумерек
тень флейтиста над крепостью сна
покаянные головы скорбно клонятся к земле
и ведут за собой диссонансные звуки печали
прогорклый бальзам неудач
испили до дна рыцари дыма и сна
я простилась с тобой на рассвете
кружась в истерическом танце
меж выпитых лиц
но сперва прикоснулась губами
к твоей спине
и поспешно закрыла глаза
я простилась с тобой
и ушла
рисовать запоздалой осенней травой
стихи о любви

Осеннее

1

жёлтой коростой лёг на глаза
солнечный свет
душно и жутко
задерживать вдох от тяги до тяги
кромсает углы паутина
гудящая осень приходит
ты, может быть, ищешь меня
но никого не находишь
знаешь, в этой комнате нет часов и зеркал
а в этом городе нет трамваев
поэтому мы не наблюдаем времён и отражений
и не гуляем до рассвета по трамвайным рельсам
мы долго боролись за право любить сильнее
но кто-то устал
ставить капканы на грустные тени
я отражала себя в твоих зрачках
чтобы хоть где-то остаться
но ты отводил глаза —
и мне было больно
ты обнял свою тень
и ушёл с ней гулять до утра
а я занималась любовью с твоим отраженьем...

2

руки хотели найти опору для вопля
колкое месиво дури и бреда
топкая корка основ бытия
курносая девочка-смерть за окном
в алкогольной нирване зашторит глаза
и замкнёт душесодранной песней
кулак на стене
заповедный уход
крошится взгляд на зрачки
нерассказанных снов
несыгранных драм и долгих прощаний
мы найдём выход в жизнь
через трубы каминные геены страстей
кромсая умершую плоть
дулом ружья
рефлекс подражания
близким знакомым и дальним
извечная плесень личин моего бытия
хотели войны?
так и быть, вы её получили...

хотели награды?
на этой войне не бывает наград...
разоткана вязь тщедушных мечтаний об аде
кудлатые ангелы с тисовым луком
пьют на скамейке портвейн
и им не до нас
мы тоже пьяны до упаду
и нас не найдёт грудастая девочка-смерть...

3

мы сплетали вязи разобщённых воспоминаний
прижимались висками
искали
пугали полночи
сплетали в нити пряжу рассветов
танцевали нагими в закатном огне
уходящего лета
как хорошо было спрятать себя — в тебе
и вернуться обратно — так больно
мы так и не научились
говорить друг с другом глазами
но ведь главное:
чтобы вместе, в одно
чтобы душило слезами...
а шорохи — значат ли что? —
нам не высказать
слов не добрать до контрольного выстрела
усталым молчанием встретит висок —
пулю
а я встану так,
чтобы упасть головой на восток
а пока на обед — постный чай и конфеты
день для нас длится до выключения света
когда кто-то ещё пытается ловить огонь
поймать крепко и положить на ладонь
и смотреть до рассвета
чтобы солнце взяло эстафету
а если когда-нибудь осень придёт в этот дом
в дом, где мы всегда были только вдвоём
я открою ей дверь
приглашу войти
она сядет на кухне
закурит
попросит выпить
и всё будет тихо и красиво
как будто пришла сама смерть...

Падение

я падаю
я, рухнув, распугаю вереницы голубей
что голосят на бреющем полёте
захлёбываясь на одной кромешной ноте
в истерике неполюбившихся детей
нам столько было данным и мгновенным
что невозможно отказать себе в игре словами
гордясь хламьём из фраз и сдинами
и попирая всё, что было самым сокровенным
слова?
смешные маленькие точки на ладонях
как шрамы не для сердца, а для глаз
ты ничего не понял
и принимал молчанье за отказ
от покорения глубин падением

Послесловие

какофония цвета
на чёрно-белом патетическом нотном стане
оттиск тел на цветном покрывале
формы бёдер и плеч
вариант классический:
можно просто лежать
и глазеть в потолок
изучать радиатор и стену напротив
другие изыски:
обесчестить бумажную девственницу...
можно, конечно, поспать
я уверена — ты будешь первым
а я буду маленькой красной точкой на теле кровати
считая в секунду свой пульс
сдирающий кожу на голых запястьях
всё, конечно, неплохо
но зачем же так громко храпеть?

- Послушай, что ты делаешь?
— Я? Я дую твоё пиво
и жду, когда же ты придёшь...
Мне холодно одной, и слишком много света.
— Ты что-то написала без меня?
— Ну да...
Хотелось чем-нибудь заняться.
Конечно, полный бред...
— Да нет, нормально...
— Куда там!
Совсем не обязательно мне льстить.
— А я не льстю... не льщу...
ТЬфу, блядь! Открой окно, ты слишком накурила.
— Оно открыто.
— Тогда закрой.
— Зачем?
— Мне кажется, там кто-то дышит.
— Да нет там никого!
Темно... Ты хочешь выпить?
— Немного...
— А вот я хочу напиться...
— Опять?!
— И вовсе не опять!
Мне просто скучно и тоскливо...
— Послушай, всё-таки там кто-то есть.
Я слышу чей-то вздох. Кому-то больно.
— Там просто ночь. Ты никогда не видел ночь?
— Конечно, видел.
— Я иногда, когда смотрю в окно,
когда там ночь, когда мне скучно и тоскливо —
могу увидеть что-то кроме фонарей,
людей,
машин и грязи...
а ещё...
— Нет, стоп. Ты много говоришь,
но всё это неискренне и как-то глупо.
— Я говорю, что чувствую...
— Ну ладно. Всё это фигня.
Дай лучше сигарету.
— Что, будем спать?
— Зачем? Давай поговорим...

Посмотри на мои руки —
они дрожат:
я видела, как гениальный мастер
что душу даровал своим шедеврам
вырвал своё сердце
как дешёвую кустарную поделку —
и бросил в грязь.
И глядя на узор на плитках туалета —
на лица, заходящиеся в крике —
расходный материал для замыслов богов —
я задаюсь вопросом:
кем мой голос признан
в многоцветии пугающих пустот?

Пустота

нам можно кочевать по шпалам
по проводам трамвайным
по помойным ямам
которые слезятся испарениями
скорбных отрешений
как будто кто-то выключил фонарный свет
фонарный свет меняет русло
а светофор меняет цвет
пузатым окнам можно загореться
и отгнать людей из сна работать в день
вернуться можно но не скоро
оставить течь по венам и глазам и пальцам
дурацкие песочные часы
здесь можно было ставить сотни знаков
вопросительных и просто
но так непросто комкать то
что нам отсчитывает время
которое отведено чтобы развеять пустоту
и пустота ответит...

Сиеста

расстрел на месте —
за попытку суицида
за беспокойство дремлющих сограждан
в блаженный час сиесты
расстлавших разморённые тела
под сенью расцветающих каштанов
а мы, как в детстве
развалившись на колючем сеновале
полуприкрытыми бессонными глазами
глядим, как вдалеке растёт
весёлый ядерный грибок
играем увлечённо в террористов
и в зарослях крыжовника
прогуливая школу
на практике проходим Кама-Сутру
и если нам когда-нибудь придётся
резвиться голыми в развалинах Нью-Йорка
радиоактивными зелёнькими трупиками
мы будем радостно смеяться
над покосившейся верандой зажигается ночник
всё прозаично
словно пятна от сметаны на рубашке
а к чаю подадут черничное варенье...

Слова

я беру чужие слова
такие красивые
они так наивны
что смело идут мне на руки
 — слепые котята —
я пытаюсь сложить из них
 сказку с грустным концом
чтобы свадьба закончилась плачем
по мёртвым царевнам
чтобы кровь
осветила их обручальные кольца
я пытаюсь сложить из них длинный роман
без конца и начала
пустые листы
сшитые лунными нитями
а всё потому
что я не знаю красивых слов

Сойди с ума

Сойди с ума...

Безумие — не наказание,
а гимн небесной свободе —
свободе души и ветра,
свободе течения вечной реки,
по которой плывёт берёзовый плот
с сидящим на нём человеком,
а он сквозь туман медитаций
следит за ходом часов,
хотя те давно уже встали,
устав гоняться за вечностью.

Сойди с ума...

Освободи свой разум,
закованный не в цепи, а в сомненья,
и ставший почти что призраком,
блуждающим среди теней и скал.

Сойди с ума,

увидь ту самую лестницу,
ведущую вроде бы в небо,
но сломанную на третьей ступени.

Уйди туда, где ты не был,
где не были даже птицы,
уйди в безумие, в вечность,
где свет проникает в щели,
где можно увидеть свечи
на алтаре безумных фантазий,
утони в их кружении снова...

Сойди с ума —

я к этому готова.

Стану болью

они смотрят
меня призывая к ответу
это просто —
сказать им, что ты невиновен
и потому выбираешь петлю
от стыда, что покинул себя этим летом
слово «свет» написав на стене своей кровью
когда кто-то рыдает при мне —
я смущённо молчу
наугад выбирая минуты для счастья и боли
стану деревом в непроходимом лесу
где так естественно быть безымянной
стану камнем — пасынком ветра и моря
стану болью
первобытного страха уснуть
стану цветком —
некрасивым и странным

Столбы

ты посадил фонарные столбы
по обе стороны зубастой колеи
ты рвал пространство на косые вёрсты
и лучезарно улыбался из петли
кумарился туман над тонкой крышей
звенела тара, и светили свечи
ты просто встал и вышел из окна
а в небе стыла красная луна
кудахта гитара, ты был счастлив
немного грустен и немного зол
ты покурил и захотел на небо
но всё, что получил — стена и пол
менялись лица, водка не кончалась
ты вполз в рассвет, как пьяный альпинист
тела распростирались под ногами
ты просто встал — и вышел за карниз
ты шёл по улице, стреляя сигареты
интуитивно выявляя магазин
опохмелился. сел в трамвай. уснул.
проснулся на кольце. опять один.
ты шёл, сажая чёрные столбы
по обе стороны бездонной колеи
ты рвал пространство на косые вёрсты
всё так же улыбаясь из петли...

Чёрное Солнце

О Мудрая Ночь!
О Безмерно Трагичная Серая Тьма!
Сытые волки блядуют
вокруг Моего Костра.
Синие Люди воют на Чёрное Солнце.
Смерть запирается в комнате
с водкой и стуком печатной машинки.
О Великая Белая Тварь!
Слепой человеческий глаз
пьяно свисает с квадратного неба.
Красной чертой
сквозь кольцо отчуждения
проходит моё колдовство.
О Богиня Щербатой Луны!
Мы плюёмся на звёзды
а звёзды усыпали землю
навозом теней.
Сытые волки стучатся в окно,
а Синие Люди пинают их
кованой сталью сапог.
Выстрел в висок успокоит навеки
и гадких Синих Людей,
и блядующих Сытых Волков,
и меня.
И даже Чёрное Солнце.

Я прихожу, когда ты спишь...

Я прихожу, когда ты спишь
снимаю обувь в маленькой передней
и захожу в квартиру босиком
мерзляво поджимая пальцы
ступая по холодным половицам.
Я ощупью отыскиваю дверь
прислушиваясь к шорохам на кухне
и осторожно —
чтобы не тревожить
твой одинокий сон —
вхожу.
Ты спишь,
закинув за голову руки
а я неслышно прохожу по выцветшим половикам
я уже так близко
что твои волосы шевелятся от моего дыхания
и ты мурлычешь недовольно —
и поворачиваешься на бок.
Я раздеваюсь и ложусь с тобою рядом —
я буду охранять твой сон...

Антон Бласов

Smail po taetski

Неуловимо пролетела каникул зимних чехарда.
За это время я заставил работать газы на меня.
И пусть ещё тихонько плачет в обморожении рука,
Её с лихвой стране заменит в домах горячая вода.

Вино

Мне ценней отыскать камня цвет,
Солнца лучиком поиграть.
Зимы долгие в раз забудутся,
А дожди пойдут...
Затоскуется.

*

Колыбели ли сердцу чуждятся,
На молочных бегах ли рос,
Всё равно всё скоро забудется,
И дожди пойдут...
И отступятся.

*

Неизбывные слёзы катятся.
Размокая, светлеет душа.
Оттого ли небо прозрачное,
Оттого ли в хмели глаза...

Ли

Пряжа волос больного ламы
Не замедляет рост
Давит упорно артерию в ране
Холестерин бесов

Клаустрофобия тянет под землю
В чёрный проём рот
Маленький мальчик в глупой панамке
Пальчик, мечтая, сосёт

Лёгкое море безумной жизни
Если не ТЫ
Мне не расскажешь, мне не покажешь
Не уходи

Ёжик в тумане
Колючем и жгучем
Могущем всё... ли.

Ночь

*

Сыро, тускло сквозь стекло
Холод лезет мне в нутро.
На картине, на стене
Дева юная во сне.

*

Отчего же девы сей
Мне так хочется грудей?
Влагой тёплой молока
Напои, любовь, меня!

*

Я забыл, как плакать надо,
Как кричать, когда беда,
Как звучит твой голос, мама,
Когда ноша не легка.

*

Рябью беглой дождь тревожит
Блюдце ненависти злой.
Отчего тебе не спиться,
Бедный мальчик, демон мой?

Отворение

*

Положил печать на уста,
Затворил камнем сердца ворота.
Не болят голубые глаза,
Доброй волей — душа в темнице.

*

Лишь слеза как лоза просочится
К солнцу яркой любви жар-птице,
Лишь кошмар ночью лёгкой приснится,
Ветром душу несёт в полонице.

*

Разукрашу лицо белой краской,
Поседею божественной лаской,
Исхудаю, приму христианство,
Коли мне так и так мытарства.

*

От поэтов не этого века
Прилетели лебеди эти.
Что же, реки мои, их примите,
Накормите мной, напоите...

Преображение предметов

*

Преображение предметов,
Происхождение цветов,
Вопросов главных без ответов,
Ярчайших жизни лоскутов.

*

Взмахнуло скатерть прежних, лишних,
И недовольство как метлой
Сорвало листья, закружило
Неизречённой красотой.

*

И непрестанно, не угасая,
Свети, СВЕТИ, МОЛЧИ, молчи...
Что заповедано, случится...
Не вправе рушить даже ты.

*

В бреду сомнений, жалких мыслей,
Метаний страстных до зари
Я выцарапываю свободу
Ходить по млечному пути.

Чёрно-белое

*

Тонкой плёнкой стали серой
Льды на лужу напоззали,
На опушке чёрно-белой
Волки стаю собирали.

*

Хлопья снега с неба, феи,
Шкуру тронув, умирали,
Кое-где листва не спала,
Лишь угрюмо вниз смотрела.

*

Тонкой плёнкой стали серой
Небо тихо рассветало,
На опушке чёрно-белой
Волчья стая засыпала.

*

Чёрточки, точечки, глазки кривые,
Буковки в строчку, стишочки дрянные,
Сказочки, песенки, роли немые,
То вдохновенные, то не живые.

*

Пой, дорогой, слышишь, волки завыли:
Ждут, не дождутся, словно родные.
Кто заставляет ноги лихие
Мять любопытно травы иные?

*

Ты ли ли — сердце бескрайних, Россия?
Ты ли ли первой меня полюбила?
Что ты раскинулась, что обнажилась,
Что ты вообще ко мне прицепилась?

*

Помнишь, как в душу пустую ложилась?

*

Помню, как после снегом укрылась.
Помню, всё помню, простить не могу.
Словно спать с нелюбимым решила,
Будто с последней надеждой простилась.

*

Палочки, галочки, грязи кусочки,
На небе звёздочки — белые точки.

Ариана

Хрустальная звезда

Как давно это было... Горизонт прошлого подёрнулся маревом, и многие мои воспоминания время запорошило своей пылью, но события, произошедшие со мной много лет назад, сохранились в моей памяти яркими, словно звёзды, освещавшие *ИНОЙ МИР* в ту далёкую ночь.

Девятилетним мальчиком я иду сквозь бархатную летнюю полночь, и молчаливая колоннада деревьев расступается передо мной, открывая дорогу к морю. Узкая тропинка выводит меня на каменистый пляж, и гагатово-чёрное море распахивает передо мной свои объятия.

Я постоял немного, прислушиваясь к невнятному шёпоту волн, и побрёл вдоль берега.

Наш дом находился на самой окраине города, и нередко по ночам, когда взрослые уже спали, я выбирался через окно своей спальни и, никем незамеченный, шёл к морю через небольшой прибрежный лесок. Прежде я лишь доходил до моря и сразу же пускался в обратный путь, напуганный собственной смелостью, но сегодня мне пришло в голову пройти до маленькой бухты неподалёку.

Я шёл, и галька тихо поскрипывала у меня под ногами, и звёздный свет искрился на едва колышущейся глади моря. Вскоре впереди открылась бухта. Всегда оживлённое днём, сейчас это место казалось мне диким и каким-то зловещим. Громадные валуны, громоздившиеся вокруг, напоминали спящих чудовищ. От тёмной воды веяло холодом.

Я остановился в нерешительности, раздумывая, не повернуть ли назад, когда за моей спиной раздался голос:

— Великолепная ночь для прогулок, не правда ли?

От неожиданности я чуть не упал в воду. Обернувшись, я увидел человека, сидевшего на камне неподалёку и курившего трубку. Он встал и приблизился ко мне.

— Извини, что напугал, — улыбнулся он, — не составишь ли ты мне компанию?

Я колебался.

— Взрослые, наверное, не раз говорили тебе о том, что не следует вступать в разговоры с незнакомыми людьми, — он словно прочёл мои мысли, — но меня ты можешь не бояться.

Странно: стоило ему это сказать, как мои сомнения моментально рассеялись.

— Не желаешь ли немного прогуляться? — предложил он, — я покажу тебе кое-что интересное.

— А это далеко?

— И да и нет. Впрочем, о времени не беспокойся.

И, не дожидаясь ответа, незнакомец свистнул, и в ответ ему тут же раздалось тихое ржание. Я не успел даже удивиться, как перед нами, словно из воздуха, возник вороной конь. В глазах его сверкали молнии, а копыта, казалось, едва касались земли.

Незнакомец вскочил в седло и, подхватив меня, усадил перед собой. Конь сорвался с места, и мы помчались в ночь, стрелой рассекая солёный воздух. На минуту я закрыл глаза, а когда вновь открыл их, то уже не увидел знакомого побережья. Мимо нас проплывали бескрайние пустоши, залитые лунным светом. Кое-где вдали виднелись развалины замков. Потом они исчезли, сменившись болотными топями, изредка поросшими кривыми деревьями. Сидящие на кочках фигуры протягивали к нам свои костлявые руки.

— Куда мы едем? — спросил я у своего спутника.

— Скоро узнаешь.

Болота кончились. Мы скакали по морскому берегу, и пурпурные волны напоздали на песок, отсвечивающий тусклым золотом. Мы понеслись по морю и над ним, а потом вода превратилась в облака, между которыми поблёскивали звёзды.

Небо под нами и над нами стремительно темнело, пока не стало фиолетовым. Теперь вокруг нас при свете бесчисленных звёзд расстиралась цветущая равнина. Мы приближались к холму, вершину которого венчал замок, казавшийся высеченным из глыбы хрусталя.

Широкая дорога привела нас к замку. Высокие ворота бесшумно отворились, и мы въехали в большой внутренний двор, вымощенный хрустальными плитами. Двор был пустынен, но когда звонкий стук копыт оповестил о нашем прибытии, из замка навстречу нам вышел человек в мантии, расшитой серебром.

Спешившись, мой спутник снял меня с коня и подвёл к встречающему нас.

— Приветствую тебя в моём замке, дитя, — обратился тот ко мне, — Моё имя Ротиланд. Этой ночью тебе выпала честь принять участие в нашем праздничном ритуале.

Увидев, что я собираюсь что-то спросить, он остановил меня жестом:

— Ни одно слово не должно сорваться с твоих губ — ни до, ни после ритуала, если ты хочешь вернуться домой.

Мы шли через длинные коридоры и огромные залы, богато убранные и украшенные цветами. Повсюду горели свечи, свет которых, отражаясь от хрустальных стен и колонн, преломлялся и играл всеми цветами радуги. Наконец ещё одни двери распахнулись перед нами, и мы оказались в великолепном зале, наполненном людьми. Гул голосов смолк, когда мы вошли, и все взоры обратились к нам.

Праздник начался. Звучала музыка, чарующая своей красотой, и были танцы, поразившие меня изяществом и лёгкостью движений. Ротиланд куда-то исчез. Я бродил по залу и разглядывал присутствующих. Все они были нарядно одеты, женщины — в длинных платьях, мужчины — в расшитых камзолах и с короткими мечами на поясе. С немалым удивлением я обнаружил, что все они были молодыми, или же казались таковыми, несмотря на то, что в волосах некоторых из них серебрилась седина.

Через некоторое время вошёл слуга и объявил, что стол в соседнем зале уже накрыт к пиру. Все направились туда, но в этот момент ко мне подошёл

Ротиланд и сказал, что ни ему, ни мне есть нельзя, так как того требует ритуал.

Мы сидели с ним в мягких креслах в пиршественном зале и слушали игру музыкантов. Я был настолько захвачен происходящим, что совершенно забыл о времени и о том, что дома меня могли хватиться.

После ужина все вернулись в прежний зал, где музыка и танцы продолжились. Но вскоре я стал замечать, что среди гостей постепенно нарастает напряжение. Все определённо чего-то ждали. И вот, когда музыканты закончили играть и покинули возвышение, на котором сидели. Туда взошёл Ротиланд и молча поднял вверх правую руку. После этого он, поймав мой взгляд, кивком головы подозвал меня и зашагал к выходу. Затихшая толпа последовала за нами.

Мы снова шли через многочисленные залы и коридоры, а затем начали подниматься по широкой винтовой лестнице, ведущей вверх. Она была такой длинной, что к концу восхождения стала казаться мне бесконечной. Наконец мы вошли в просторную круглую комнату без окон. В центре, на полу был очерчен круг, внутри которого стоял ярко освещённый алтарь с разложенными на нём магическими приборами. В треножник перед алтарём горел огонь. Вся остальная комната утопала в полумраке. Вдвоём с Ротиландом мы вошли в круг, тогда как остальные заняли свои места вдоль стен. Всё делалось в абсолютном молчании.

Ротиланд взял со стола серебряный жезл и, подняв его, провозгласил:

— Мир вам, собравшиеся здесь! Пусть же Тот, Кто Живёт За Гранью Пространства, явит нам своё Слово!

Вслед за этим он стал очерчивать в воздухе замысловатые фигуры, читая заклинания на непонятном мне языке. Затем он, что-то шепча, принялся смешивать в большой чаше содержимое бутылочек и флаконов, расставленных в строгом порядке на алтаре. Жидкость в чаше шипела и меняла свой цвет с добавлением каждого ингредиента. Когда же она приобрела цвет крови. Ротиланд поднял её над головой и прочёл последнее заклинание, громовым эхом отозвавшееся под высокими сводами. Свечи вспыхнули и засветились синим пламенем. Ротиланд обернулся ко мне и, протянув чашу, жестом приказал отпить из неё. Я повиновался. Жидкость имела странный вкус, и я почувствовал, как от неё по всему моему телу разливается жар. Ротиланд взял у меня чашу и вылил всё её содержимое в огонь, глухим голосом проговорил:

— Яви нам Слово!

У меня потемнело в глазах. Я ощутил необычайную лёгкость, и моё сознание начало растворяться в образах, нахлынувших со всех сторон. Я парил над пропастью, и вокруг меня расцветали огненные лилии, и тысячу глаз смотрели на меня сквозь бушующее пламя. Последним, что я запомнил, были произнесённые мною слова на том же загадочном языке... А потом всё утонуло во тьме.

Когда я очнулся, в комнате, кроме Ротиланда, никого не было. Свечи догорали.

— Пойдём, — сказал он, — тебе пора возвращаться.

Во внутреннем дворе замка уже с осёдланным конём нас дожидался человек, привёзший меня сюда.

Ротиланд положил мне руки на плечи.

— Благодарю тебя за твоё участие, мальчик. Скоро ты вернёшься домой, и всё, произошедшее с тобой, покажется тебе сном. Но помни: отныне в тебе есть капля крови этого мира, и голос этой крови когда-нибудь заглушит в тебе все остальные чувства, и ты захочешь вернуться. Тогда выйди ночью на морской берег и просто позови меня. Только возьми с собою вот это.

И он протянул мне маленькую звёздочку, выточенную из хрусталя.

Потом была дорога назад, и я уснул, а когда проснулся, было уже утро, и из раскрытого окна до меня доносился шум прибоя. Я лежал в кровати и думал о чудесном сне, приснившемся мне этой ночью. Но, почувствовав вдруг, что я что-то сжимаю в руке, я поднёс её к глазам, и моё сердце учащённо забилося, когда солнечные лучи заиграли на десятках хрустальных граней.

*

С тех пор прошли годы, в течение которых мне многое довелось испытать и пережить. Водоворот жизни захватил меня, и день за днём сливались в реку, которая уносила меня всё дальше и дальше в туман. Но иногда в своих снах я снова оказывался в Хрустальном замке, и волшебная музыка вновь и вновь звучала в моих ушах, а наутро я просыпался с пустотой в душе и щемящей тоской в сердце. Не раз я помышлял о том, чтобы вернуться в мир, магией которого я был околдован навек... Но вслед за этими мыслями приходили сомнения: что, если Ротиланд уже забыл обо мне, или подаренная им звезда за долгие годы уже потеряла свою силу, или по каким-либо другим причинам путь назад был для меня закрыт?

Не раз в нерешительности я вынимал звезду из шкатулки, где она хранилась и, после долгих раздумий, клал её обратно. Ведь надежда умирает последней, и это всё, что остаётся, когда уже умерло всё остальное.

Быть может, силы моего духа когда-нибудь хватит на то, чтобы воспользоваться чарами хрустальной звезды. Когда-нибудь... но не сейчас.

Ведь надежда — это всё, чем я владею, и я так боюсь её потерять.

Мефис. **Вечный Воитель с бензопилой.**
компьютерная графика

На первой странице обложки:
Мефис. **Без названия.**
бумага, карандаш